

УДК 1(091)

ЛИЧНОСТЬ И ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ
В ФИЛОСОФИИ КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА

О. К. Авдеев

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 2 апреля 2010 г.

Аннотация: в статье рассмотрены два философских концепта Константина Леонтьева (идея о «преувеличенном представлении о личности» как определяющем начале европейской цивилизации и тезис «индивидуализм убивает индивидуальность»), а также проанализировано употребление персоналистической лексики в его публицистике и эпистолярном наследии.

Ключевые слова: личность, индивидуальность, персональность, индивидуализм, Леонтьев, «Византизм и славянство», история понятий.

Abstract: the article is devoted to analysis of two philosophical concepts of Konstantin Leontyev (the idea of «exaggerated notion about person» as the leading principle of European civilization and the thesis «individualism kills individuality») and the use of «personalistic» vocabulary in his works and letters.

Key words: person, personality, individuality, individualism, Leontyev, «Byzantinism and Slavdom», the history of notions, Begriffsgeschichte.

Проблема личности, персональности – одна из философских тем, которая сегодня становится все более актуальной. В первую очередь это связано с радикальными изменениями в культуре и философии, произошедшими в XX в., как-то: приходом эпохи постмодерна, выдвиганием тезиса о «смерти автора» или критикой классического гносеологического субъекта.

При этом особое значение вопросы персональности приобретают для современной России, философское самовосприятие которой, во-первых, всегда было очевидно амбивалентно в этом вопросе (постоянное подчеркивание, с одной стороны, ее принципиального антропоцентризма, а с другой – преобладания в ней коллективного начала над индивидуальным (в самых разных вариантах от идеализации общности до многочисленных софиологий и учения о богочеловечестве)), а во-вторых, оказалось в последние годы на перепутье, не имея полноценной преемственности ни с дореволюционной, ни с советской традицией.

Закономерным выходом из этой ситуации представляются попытки исторической реконструкции смыслового поля русской философии разных периодов (в том числе его отношений со смысловым полем европейской философии), призванные одновременно помочь современной русской мысли найти свое место в истории русской и, как следствие, мировой философии. В этом отношении важной представляется фигура Константина Николаевича Леонтьева, достойного обращения в контексте проблем

персональности хотя бы уже за самую *его* личность, за те кардинальные изменения образа мысли и жизни, которые имели место в его биографии, и их осмысление. Кроме того, Леонтьев – один из самых «индивидуалистичных» авторов русской философской традиции (наряду с часто упоминаемым им Герценом), а тексты его написаны не академическим философским, а живым и личностным, разговорным по сути, языком – так, что невозможно отделить в их авторе гносеологического субъекта от Леонтьева-человека.

Вместе с тем проблема эта почти не затрагивалась в литературе. Даже в специальной библиографии [1] по теме, увидевшей свет в результате реализации примечательного научного проекта «Концепты «персональности» в истории немецко-русских культурных связей», фамилия Леонтьева вовсе не упомянута.

Проблемное поле персональности у некоего автора (в нашем случае Константина Леонтьева) можно исследовать различно. Можно заниматься поиском и анализом теорий, концепций и взглядов автора на личность, а можно обратиться к исследованию словоупотребления автора, его понятийного аппарата и языкового поля в духе герменевтики (в дальнейшем обобщение результатов исследований подобного рода по нескольким авторам позволит обобщить материал на уровне популярной нынче «истории понятий», «Begriffsgeschichte»). Оба варианта представляются верными и необходимыми для решения поставленной задачи.

Область персональности у Леонтьева концептуализируется как минимум в двух разных вариантах (тесно связанных и отчасти переплетающихся между собою, но различающихся по контексту и области употребления).

Первую такую концептуализацию читатель встречает в работе «Византизм и славянство», традиционно считающейся основным философским трудом Леонтьева и многократно переиздававшейся. Это «персоналистический аспект» его историософии. Буквально на первой странице, представляя читателю свою концепцию византизма, Леонтьев противопоставляет его не только абстрактному славизму, но и европейскому культурно-историческому типу, отмечая, что «в нравственном мире мы знаем, что византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом...» [2, с. 300–301]. В дальнейшем тексте Леонтьев не раз повторяет эту характеристику европейского культурного мира: «чрезмерное самоуважение лица» [2, с. 301], «преувеличенное... понятие о достоинстве личности человеческой» [2, с. 335], «германский индивидуализм» [2, с. 405–406] и т.д., – которая, как он полагает, рождается на стыке одной из черт европейских («германских» в изначальном смысле слова) народов, идет от рима «муниципальной» гражданственности и ответственна за упадок европейской образованности.

По мнению Леонтьева, европейская образованность возникает на стыке четырех начал: «византийского Христианства, германского рыцарства (феодализма), эллинской эстетики и философии (к которым не раз при-

бегала Европа для освежения) и из римских муниципальных начал» [2, с. 405]. Крайний индивидуализм – ключевая черта германских народов, изначально выразившаяся в феодализме, рождении и развитии европейского рыцарства и рыцарской культуры, продуктами которой были и эпоха Возрождения, и нововременной европейский гуманизм. Но рыцарское самоуважение «перейдя путем зависти и подражания сперва в буржуазию, произвело демократическую революцию и породило все эти нынешние фразы о беспредельных правах лица, а потом, дойдя до нижних слоев западного общества, сделало из всякого простого поденщика и сапожника существо, исковерканное нервным чувством собственного достоинства» [2, с. 301–302]. С середины XVIII в. муниципальное начало берет верх над остальными, искажая их до неузнаваемости: германский идеализм – в «демократический эгалитаризм», христианскую доброту – в «сухой утилитаризм» и т.д.

Россия в этом отношении сильно отличается от Европы, так как «аристократическое начало у нас было (и даже есть), как и везде, но родовой и личный характер у него был (и есть) выражен гораздо слабее, чем во всех западных феодальных аристократиях или чем один родовой в муниципальной аристократии древнеримских патрициев и оптиматов» [2, с. 319]. В России «родовой наследственный царизм был так крепок, что и аристократическое начало у нас приняло под его влиянием служебный, полуродовой, слабородовой, несравненно более государственный, чем лично феодальный, и уже нисколько не муниципальный характер». Как следствие, своих «эгалитарных» тенденций в России нет, а причиной очевидной для Леонтьева «демократизации» России является заразительный пример Запада.

Следует учесть, что философия истории Леонтьева (его концепция, ставшая на сегодняшний день широко известной) – своего рода «органицизм». Культуры и государства подобны гигантским организмам, имеющим свой срок жизни, и проходящим, подобно всему живому и неживому – от галактики до цветка, сперва через период развития (от «первичной простоты» к «цветущей сложности»), а затем – деградации (от «цветущей сложности» ко «вторичному упрощению», «смещению»). Этап развития определяется, в первую очередь, по степени индивидуализации явления и разнообразию его элементов. Соответственно, «культ личности» Европы, относившийся к сословным чертам рыцарства, скорее способствовал ее отличию от других культур и служил границей между слоями европейского общества. Но процессы демократизации этого культа служат слиянию европейского общества в единую массу «средних европейцев», сходных между собой, что является признаком деградации.

Впрочем, всякое начало, доведенное до крайнего предела, изживает самое себя. Например, «если бы идею личной свободы довести до всех крайних выводов, то она могла бы, через посредство крайней анархии, довести до крайне деспотического коммунизма, до юридического постоянного насилия всех над каждым или, с другой стороны, до личного рабства» [2, с. 317].

С этим же связан второй концепт персональности у Леонтьева, который можно назвать «социально-психологическим» и «социально-политическим» одновременно. Его можно встретить в виде тезиса в том же «Византизме и славянстве», но обстоятельно он развивается, например, в передовых статьях, которые Леонтьев писал для газеты «Варшавский дневник» в 1880 г. и в работе «Культурный идеал и племенная политика», представляющей собой обработанные письма другому мыслителю консервативного направления П. Е. Астафьеву. Это идея, которая кратко формулируется в тезисе о том, что «индивидуализм губит индивидуальность» [2, с. 333].

Леонтьев разводит, с одной стороны, понятия «индивидуальность» и «индивидуализм», с другой – «национальность» и «национализм», при этом пытаюсь указать на сходство соответствующих понятий в этих двух областях.

Слово «личность», «лицо», в данном контексте тождественное у него термину «индивидуум», – представляет собой, по его словам, «то же, но не с русским, а с латинским корнем» [3]. Под индивидуальностью Леонтьев понимает то, что данному конкретному индивидууму, данному лицу свойственно то, что выделяет его среди других людей. Это набор его отличительных черт и качеств. Причем сюда входят не только качества, выделяющие его среди всего остального человечества, но и отличия его как члена некоей группы, представителя социального слоя ото всех нечленов этой группы и не имеющих отношения к этому слою.

«Индивидуализм» по Леонтьеву – это идеология или общественный строй, «когда этот строй имеет в виду преимущественно права и выгоды всех отдельных лиц, равноправность всех граждан перед законом или государством» [3]. При этом индивидуализм, естественно, враждебен любому социальному принципу индивидуации: «...ни определенных сословий, ни каких-нибудь малоподвижных, огражденных законами корпораций, конгрегации, цехов, общин; одним словом, никаких посредствующих ступеней власти и давления на лица между общей массой граждан (индивидуумов) и государством». Как следствие, национализм неизбежно ведет к «упрощению», «смешению» народа.

Понятию «нация» Леонтьев определения не дает, полагая его наглядным. Это некий очевидный, единичный «исторический субъект», данный нам в опыте бытовом, историческом, а не как следствие из теоретических построений.

«Национальность» – «понятие более отвлеченное. Это какой-то идос — той нации, которую мы только что воображали себе во плоти». И в полной параллели к индивидуальности, определяя «национальность», мы «вспоминаем о таких общих качествах или признаках, которые более или менее свойственны всем людям, составляющим эту нацию (или хотя бы большинству их), и совокупностью которых эта нация отличается от других». Это тоже принцип индивидуации, но уже не человека, а нации.

Национализм – это «движущее, действующее начало, действующее во имя» (верность такого определения Леонтьев доказывает филологичес-

ки, указывая на возможность приложения некоторых эпитетов к слову «национализм» и невозможность – к «национальности»). Понятие национализма очень близко к понятию «национальная политика» (Леонтьев точно не проясняет их соотношение), но поскольку он, как правило, выражается в «племенной политике», суть которой в достижении нацией политической свободы – при безразличии к ее культурным отличиям, что на практике ведет к единообразию этнических государств по европейскому образцу, – этот национализм есть по сути «либеральный демократизм», а «идея национальностей чисто племенных <...> есть идея, в сущности, вполне космополитическая, анти-государственная, противу-религиозная, имеющая в себе много разрушительной силы и ничего созидającego, наций культурой не обособляющая; ибо культура есть ни что иное, как своеобразие; а своеобразие ныне почти везде гибнет преимущественно от свободь» [2, с. 333].

Очевидно, государство, культура и нация (различения между ними у Леонтьева не всегда точны – и иногда трудно разобрать, где заканчивается разговор об одном и начинается о другом) оказываются подобными человеческой личности... Более того, в одном фрагменте Леонтьев говорит о государстве как о личности. В статье «О греко-болгарской распре», характеризуя турецких сербов, Леонтьев утверждает, что «у них теперь уже очень мало своей культурной, в славянском смысле – национальной физиономии (ибо на один простой народ надеяться никогда не следует в этом случае), но у них есть личность государственная, и поэтому они представляются нам и более ответственными, и несколько более чуждыми, более самобытными, чем болгары...» [2, с. 277].

Обратимся теперь к анализу словоупотребления понятия «личность» в текстах Константина Леонтьева. Причем для этой цели дополним исследование текстов философских и публицистических анализом эпистолярного наследия Леонтьева, что позволит рассмотреть не только научно-публицистические, но и повседневно-бытовые семантические контексты.

«Персоналистическая» лексика выступает у Леонтьева в следующих контекстах:

1. «Личность», «лицо» как указание на конкретного индивида, выделение из толпы статистов. Часто используется Леонтьевым для исторических лиц.

2. Личность как характеристика человека, поднимающегося над общим уровнем, как принцип индивидуации. По смыслу противопоставляется «безликости».

«Возьмем для примера какое-нибудь лицо; положим, императора Вильгельма II. В нем есть личность (или индивидуальность его выразительна)» [3].

«Только на почве зла вырастает добро и великие личности» [4, с. 41].

3. Личность как противоположность идеям, взглядам, деятельности человека. Личность как то, что можно уважать в оппоненте, или же, напротив, как нечто, вызывающее неприязнь, несмотря на единомыслие.

«В этой [статье по поводу «Отцов и детей». – О. А.] я хотел оставить только общее рассуждение «об идеале и средней величине», чтобы доказать, почему можно, даже не соглашаясь, напр<имер>, хоть с Добролюбовым и т<ому> подобными, уважать их личность и верить в одностороннюю пользу их деятельности» [4, с. 41].

«Умеренные прогрессисты вроде Альбертини, Дудышкина и т.п. (а их теперь везде тысячи, и во Франции, и в Англии, и даже здесь, в Турции!) хуже революционеров и нигилистов. Эти, во-первых, лично выше, они подвергаются опасности казни, ссылки, бедности и светло и не пошло служат своему пошлому идеалу, в котором будет много чистоты, но ни малейшей музыки» [4, с. 105].

4. Личность как сфера приватного, в противоположность жизни общественной.

«Не думайте, чтобы моя личная жизнь была бесцветна. К сожалению. Она очень бурна» [4, с. 61].

«Потом война, в которой я принимал участие как врач военный, искажение таланта научно-философскими ухищрениями мысли (этот период продолжался до 58–59 года, когда я опять стал возвращаться к конкретному и принялся за «Подлипки» – и работал [нрзб.], несмотря на медицинские занятия, на бездну чтения и даже несмотря на множество разных личных событий и впечатлений...)» [4, с. 78].

«Все люди поумнее и поразвитее (даже и те из них, кто лично несчастливы) давно находят, что жизнь гораздо лучше, чем литература последнего периода (лучше не в том смысле, что она приятнее, покойнее, чем та, которую лет 20 / уже и более описывает реальная школа, но в том, что она изящнее, глубже, поэтичнее, красивее, правдивее, если хотите!)» [4, с. 121–122].

5. Личность как область веры и нравственного закона, в противоположность политической, социальной, экономической жизни и закону юридическому, сердца в противоположность разуму.

«Это [настоящее христианство. – О. А.] великое учение, для личной жизни сердца столь идеальное (столь нежное даже!), для сдерживания людских масс железной рукавицей столь практическое и верное, – это учение не виновато, что формы его огрубели в руках людей простых» [5, с. 277].

6. Личное как противоположность группового, народного.

«Греков у нас обыкновенно считают нацией умною, коварною и лукавою. Но не помнят, что, с другой стороны, это нация гордая, живая, подвижная и по темпераменту личному, и по неустойчивости своего государственного строя» [2, с. 281] – в противоположность государственному.

Естественно, выделение контекстов слоупотребления не может быть бесспорным и данными примерами не исчерпывается, однако приведенные области – основные контексты, в которых персоналистическая терминология встречается в статьях и письмах Леонтьева.

Итак, подводя итог исследования, можно констатировать, что проблематика личности разрабатывалась Леонтьевым в рамках других тем в

нескольких разных аспектах (включая рассмотренные историософский и социально-психологический, но не исчерпываясь ими), а тема личности и индивидуальности не раз поднималась в его текстах.

В результате анализа употребления персоналистической лексики в ряде публицистических текстов и эпистолярном наследии Константина Леонтьева удалось выделить шесть контекстов такого словоупотребления.

Остается добавить, что представление темы может быть расширено как за счет оставленных за рамками вопросов (например, концепта «трансцендентного эгоизма», противоположного эгоизму земному и т.д.), так и посредством поднятия дополнительного материала (включая и архивный).

Кроме того, особый интерес для дальнейшего исследования может представлять расширение области анализа на других авторов и обращение к компаративному изучению источников.

Литература

1. Дискурс персональности в русской философской литературе. 1861–1922 // Избранная библиография журнальных статей / сост. И. В. Борисова. URL: <http://dbs-win.rub.de/personalitaet/pdf/180.pdf>
2. Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем : в 12 т. / К. Н. Леонтьев. – Т. 7 : Публицистика 1862–1879 годов. – Кн. 1. – СПб. : Владимир Даль, 2005.
3. Леонтьев К. Н. Культурный идеал и племенная политика. Письма г-ну Астафьеву / К. Н. Леонтьев. URL: http://knleontiev.narod.ru/texts/cultur_ideal.htm#_ftnref1
4. Леонтьев К. Н. Избранные письма. 1854–1891 / К. Н. Леонтьев. – СПб. : Пушкинский фонд, 1993.
5. Леонтьев К. Н. Передовые статьи «Варшавского дневника» // К. Н. Леонтьев // Полное собрание сочинений и писем : в 12 т. – Т. 7 : Публицистика 1862–1879 годов. – Кн. 2. – СПб. : Владимир Даль, 2006.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Авдеев О. К., аспирант философского факультета

E-mail: epohaoleg@mail.ru

Тел.: 8(903) 858-64-17; 8(495) 936-22-86

Moscow State University

Avdeev O. K., Post-graduate Student of the Philosophy Department

E-mail: epohaoleg@mail.ru

Tel.: 8(903) 858-64-17; 8(495) 936-22-86